

Имя в истории

Фёдор Волков

Маргарита МАРУТА

"Отцовство" Фёдора Волкова в отношении русской Мельпомены утвердил в своё время "отец" отечественной критики Виссарион Белинский. Определение это, а также звание первого русского актёра он заслужил благодаря своей подвижнической деятельности, способствовавшей превращению российского сценического искусства из любительского в профессиональное. Казалось бы, о таком заслуженном перед Отечеством человеке всё должно быть известно дополнительно, однако биография Фёдора Волкова полна загадок, легенд, а порой и детективных сюжетов.

Дополнительно известно, что родился Фёдор Волков в Костроме в семье небогатого купца. 9 февраля 2004 года, согласно энциклопедическим данным, нам следовало бы отметить его 275-летие. Но в середине 50-х годов прошлого века советскими историками были проведены архивные изыскания, согласно которым Волков родился не в 1729, а в 1728 году. Однако неосомненная достоверность с великим трудом добытых сведений убедила не всех историков театра, и спор их продолжается по сей день.

Достоверно известно, что Фёдор был старшим сыном купца Григория Ивановича. Было ещё четыре брата, в год рождения последнего — Григория — отец скончался. Вдова Матрёна Яковлевна в том же, 1735-м, году переехала с детьми в Ярославль. Здесь она авторично вышла замуж — за престарелого вдовца купца Фёдора Полушкина, также имевшего детей. Полушкин владел серыми, купоросными заводами, был человеком доброго и широкого нрава. Вступив в преклонный возраст, он всерьёз задумался над тем, кому передать своё дело и капиталы. Привлечение к сотрудничеству трёх старших пасынков, 15-летний Фёдор вёл заводскую отчётность, подписывался за неграмотного отчима, себя именовав от пасынком, то товарищем, компаньоном или компанейщиком, а Полушкина называл отчимом и отцом.

Из "Опыта исторического словаря", составленного выдающимся русским просветителем Н.И. Новиковым, ставшим и первым биографом Волкова, узнаём, что герой наш с самых юных лет "пристрастно прилежал к познанию наук и художеств", а "проницательный и острый ум спешествовал ему без всякого, можно сказать, предводителя доходить в оных до возможного совершенства". Составительный отчим не жалел средств на образование своего способного пасынка (как, впрочем, и остальных), который учился у пастора герцога Бирона, жившего в то время в Ярославле в ссылке. С его помощью усвоил он немецкий язык, которым в дальнейшем владел свободно. В 1741 году Полушкин отправил Фёдора продолжать образование в Москву. По одним свидетельствам, в Заиконоспасскую академию, в которой обучались дети всех сословий. По другим — в школу при одном из заводов: ещё при Петре I при крупных промышленных и торговых предприятиях были учреждены школы, и, как сын заводчика, он

вполне мог оказаться там. Школа это была или академия — теперь вряд ли удастся установить, однако можно ругаться, что именно в Москве Волков приобщился к сценическому искусству. Известно, что в том неведомом нам учебном заведении постоянно устраивались представления религиозных драм и комедий Мольера. Кроме того, в дни пребывания в древней столице двора давались итальянские оперно-балетные спектакли, разыгрываемые итальянскими актёрами.

Пока ещё ничто не предвещало крутого поворота в судьбе пасынка, в 1746 году отчим отпустил его "для навыка в бухгалтерии и торговле" в Петербург в одну из немецких контор. Фёдор побывал со своим хозяином-немцем в придворном театре, где в это время шла итальянская опера. Постановка сильно подействовала на впечатлительного юношу, и он, по словам одного из своих биографов К.Д. Головицкого, "духовное существо" отдал театру, свёл знакомство с актёрами, проник за кулисы и постарался изучить "театральную премудрость": срисовывал декорации, делал чертежи, снимал модели, рассматривал театральные механизмы, изучал, насколько тогда было возможно, теорию сценического искусства и вникал в режиссёрскую деятельность. Отчим узнал о его увлечении искусством, но отнёсся к этому как к забаве, он видел в смыслённом паренке своего преемника.

Как знать, сколько бы ещё лет в Петербурге да в Москве "находился в науках" Фёдор Волков... Смерть Фёдора Полушкина в один день изменила его жизнь. Пришлось возвращаться в Ярославль, принимать имущество. Полушкинские заводы стали именоваться заводами "Фёдора Волкова с братьями". Он стал хозяином, богатым и сразу уважаемым человеком, такой мог позволить себе иметь и домашний театр. Представления разыгрывались в каменном амбаре, утверждает один биограф, нет — в доме Полушкина, опровергают другие. Как бы там ни было, но театр овладел душой Фёдора Григорьевича бесповоротно и окончательно. К 1750 году он отошёл от дела и передал управление заводами брату Алексею. Именно в этом году — нет точных сведений, в каком месяце — волковский театр стал профессиональным, не от случая к случаю разыгрывавшим представления, а постоянно. Надо думать, что произошло это после высочайшего указа от 21 декабря, разрешавшего устройство частных театров.

Документально известна из репертуара волковского театра того периода лишь одна пьеса "О покаянии грешного человека". Автор её — митрополит Дмитрий Ростовский. В церковно-школьной пьесе этой были неперемённые олицетворения — Совесть, Надежда, Правосудие, ангел, дьявол и черти. Что ещё могло играть волковские актёры? Возможно, пьесы Сумарокова, Ломоносова, Тредиаковского. Труппа была разночинной. Кроме братьев Волкова Григория и Гавриила сценическим искусством увлеклись канцеляристы Иван Иконников и Яков Попов, писцы Иван Нарыков (Дмитревский) и Алексей Попов, посадские люди Яков Шумский, Демьян Галик, Семён Скачков. А актрис у Волкова вовсе не было, женские роли обычно исполнял юный Дмитревский.

Сейчас кажутся нелепыми утверждения, подобные этому: "Драматическое искусство в России есть цветок времён новейших, недавно пересаженный из соседственных стран и взлелеянный не народом, а благотворными лучами светлаго царского престола. Россияне древних и средних времён не знали театральных представлений". Однако Н.И. Греч, известный писатель, филолог и журналист, всерьёз доказывал сию истину в своём труде "Взгляд на историю русского театра до начала XIX столетия" (Собр. соч., т. 3, СПб. 1855, с. 187—230). В корне неверная мысль имела множество приверженцев среди консерваторов. Понятно, что подобные "цветки" на чуждой им почве чахнут, в лучшем случае успевают "опылиться" возшедшее растение. Поэтому историк И.Е. Забелин, возражая против теории насаждения русского театра с императорского верха, говорил, что театр "своим коренным началом должен почитать почин самого общества..." ("Опыты изучения русских древностей и истории", ч. 2, М., 1873). Так оно и было: в середине века Просвещения тут и там возникали частные театры, существование которых лишь было узаконено царским указом. И возникли они не на пустом месте: известно разыгрываемое в церквях "пещное действо", театрализованый характер носили многие русские игры, пляски, обряды, хороходы, а первое летописное упоминание об актёрах-скоморохах относится к 1068 году... Широкое распространение сценического любительства в XVIII веке подготовило почву для профессионального государственного театра. Именно Волкову удалось окончательно утвердить в правах самобитное российское профессиональное театральное дело.

Однако отношение ярославцев к волковскому театру не было одинаковым. Резко отрицательное подкреплялось главой епархии Арсением Мацесвичем, считавшим театр "богомерзким" делом. С другой стороны, Волков пользовался покровительством воеводы Бобринцева-Пушкина, местного помещика И.С. Майкова (отца поэта В.И. Майкова) и других влиятельных лиц. Они-то и помогли Фёдору Григорьевичу построить на берегу Волги здание, предназначенное для театра. Здесь была специально оборудована сцена, запас декораций и костюмов. Спектакли начались в январе 1751 года. Представления сопровождался оркестром и хо-

ром, и вскоре слухи о ярославском театре дошли до Санкт-Петербурга.

Послепетровский период до воцарения Елизаветы С.М. Соловьёв назвал самым тёмным временем в истории России XVIII века, когда "народный дух страдал" и чувствовал "иго с Запада более тяжкое, чем... татарское". В.О. Ключевский ещё резче высказывался на сей счёт: "Немцы поспылились в Россию, точно сор из дырявого мешка...". На театре, как и в других сферах жизни, было засилье иностранцев. Придворный театр существовал в Петербурге, но в оперной труппе "пели девки итальянки и кастраты", выступала немецкая "комедиантская банда под директорством Пантолона Гильфердинга..." Патриотичная Елизавета мечтала

сыграв здесь два спектакля. И дважды — 6 и 9 февраля — выступили в Санкт-Петербурге. Давали упомянутую уже пьесу "О покаянии грешного человека" и трагедии А.П. Сумарокова — репертуар сугубо русский. В истории страны это были первые гастроли провинциального театра в столице. Казалось, императрица осталась довольна, но не решилась привлечь труппу в придворный театр: игра ярославцев показалась ей "только что природной и не весьма украшенной искусством". Другими словами, не пришлось ко двору волковские актёры, не слишком осведомлённые в последних веяниях театральной Европы. При дворе уже к этому времени успели утвердиться эстетические принципы классицизма. Труппу

тованию, а Фёдора — ещё и латинскому, немецкому и французскому языкам, рисованию и танцам. Через несколько дней после поступления в корпус Фёдор Волков стал ходить каждую неделю по три раза в немецкий театр "для научения трагедии". Да и в корпусе на театральных занятиях разучивали трагедии — так в ту пору называли инсценировки рыцарских романов.

Столица увлекалась представлениями. Дом графа Головкина на Васильевском острове с 1752 года приспособили под театр и стали именовать Российским комедиантским домом. В нём жили придворные певчие, вместе с которыми "кадеты" давали спектакли. Однако продолжалось это недолго. Отправившись в Москву, императрица решила взять с собой братьев Волковых и придворных актёров итальянской и французской оперных трупп. В документах того времени братья Волковы упоминаются не как "придворные актёры", а как "московские комедианты", они и сами так себя именовали. Поэтому можно лишь предполагать, что в 1753—1754 годах они играли в одной из частных трупп в Москве, которая тогда систематически ставила спектакли. Но это только предположение, а по существу — одно из белых пятен биографии Волкова. Впрочем, и биография Шекспира изобилует ими...

К августу 1756 года на ветвях императорской власти наконец созрел один из её прекрасных плодов — вышел исторический указ, учреждавший "Русский для представления трагедий и комедий театр". Директором был назначен Сумароков, труппу составили Волков, Дмитревский, Шумский и другие. Волков активно помогал Сумарову в управлении театром, а в 1761 году сменил его на этом посту.

Фёдора Григорьевича уважали не только в среде актёрской братии. Его имя самыми просвещёнными людьми произносилось с почтением. Новиков писал: "Сей муж был великого, обильного и проницательного разума. Основательного и здравового суждения и редких дарований, украшенных многим учением и прилежным чтением наилучших книг". Д.И. Фонвизин и Г.Р. Державин, также состоявшие в знакомстве с Волковым, писали о его уме и разных талантах в самых восторженных тонах. Жаль, что все волковские литературные сочинения, в числе которых было 15 пьес, утрачены. Сохранились лишь названия — "Суд Шемьякин", "Всякий Еремей про себя разумеет", "Уве-

распустили, но оставили самых талантливых — Фёдора Волкова, Ивана Нарыкова (Дмитревского) и Алексея Попова, по своему желанию остались Григорий Волков и Яков Шумский. Остальных наградили подарками и отпустили домой.

Оставленных в столице ярославцев определили для пополнения образования в Шляхетский кадетский корпус, нарушив ради великой цели создания придворного драматического театра сословно замкнутый характер привилегированного дворянского учебного заведения. Всех учили музыке и фех-

Екатерина II

селение московских жителей о масленице". Все они бытовые. Кроме того, Волков сочинил несколько песен и начал оду о Петре Великом. Из всего вышедшего из-под его пера сохранились лишь два стихотворения — "Ты проходишь мимо кельи, дорогая", "Станем, братцы, петь старую песню" и эпиграммы.

Но был Фёдор Григорьевич и другой талант. По свидетельству Новикова, после Волкова осталось несколько картин "его выдумки и работы" и бюст Петра I. Известно, что Волковым были сделаны резные царские врата в Николо-Надвинской церкви в Ярославле и рисунок, по которому устроен в этой церкви иконостас.

До нас дошёл только один портрет актёра. Говорили, что он был похож на Петра Великого. Незадолго до смерти Фёдора Григорьевича, как раз во время подготовки маскарада в Москве художник А.П. Лосенко запечатлел его образ. Этот единственный портрет отца русского театра хранится ныне в Русском музее. Счастливый случай. Иначе нам пришлось бы довольствоваться описанием Н.И. Новикова, впрочем, оно весьма познавательно: "Физиономия Фёдор Григорьевич имел важную, глаза быстрые, карие. С первого взгляда казался несколько суров и угрюм, но сие исчезало, когда находился с хорошими своими приятелями, с которыми умел он обходиться и услаждать беседу разумными и острыми шутками. Жития был трезвого и строгого добродетели. Другой имел не многих, но наилучших, и сам был друг совершенный, великодушный, бескорыстный и любящий вспомоществовать. Умер он холостяком и, как говорят, никогда не влюблялся". Другой биограф, Я. Штелин, свидетельствовал: "Фёдор Волков с равной силою играл трагические и комические роли; настоящий его характер был бешеный". Другими словами, обладал мощным сценическим обаянием. Читая стихи своих ролей несколько протяжно, нараспев, Волков своим звонким голосом и исполненной страсти игрой увлекал и соотечественников, и иностранцев.

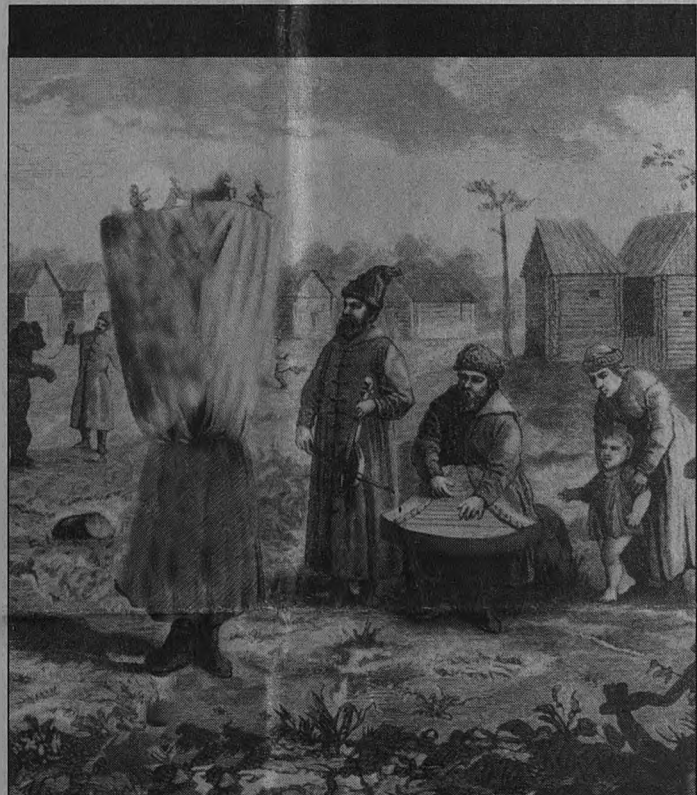
Воцарение Екатерины II в 1762 году ознаменовало новую страницу в судьбе актёра Фёдора Волкова, для нас, пожалуй, самую интригующую, однако для него этот поворот оказался роковым. Мемуаристы писали, будто бы, когда 28 июня 1762 года Екатерина, свергнувшая венценосного мужа, прибыла из Петергофа в Измайловскую церковь для принятия присяги, обнаружилось, что вершители переворота влопыхах забыли взять с собой текст манифеста. Это повергло всех в замешательство, но ненадолго — из толпы вышел Волков, вынул из кармана бумагу и бойко, звонким голосом прочитал манифест. Лист бумаги, однако, был совершенно чист. Говорили, что в смерти Петра III Фёдор Григорьевич также играл не последнюю роль. Кончина супруга Екатерины произошла не волею Всевышнего, а волею заговора. Среди заговорщиков называли и Волкова. Ещё много домыслов существовало насчёт степени участия в перевороте первого российского комедианта. Некоторые подвергали сомнению сам факт его участия, выдвигалась версия, что это был не актёр, а некий вельможа Волков. Однако именно Фёдора

Григорьевича пожаловала Екатерина многими почестями и наградами. Поговаривали, будто бы царица не считала для себя заторным посоветоваться с ним в особо затруднительных случаях, потому и предложила ему пост кабинета-министра, хотела возложить и орден Андрея Первозванного. Впрочем, этим легендам нет подтверждений. Сохранился лишь царский указ о пожаловании Фёдора Волкова и его брата Григория за "отличную службу, верность и усердие" в дворяне и награждении обоих поместьями в Московском уезде с 700 душами крестьян. Фёдор Григорьевич от "душ" отказался, а захотел и далее заниматься презренным в глазах других комедиантов ремеслом. Просил только оставить за ним право входить в кабинет императрицы без доклада.

Коронационные празднества после воцарения Екатерины продолжались несколько месяцев. По улицам Москвы должен был прошеествовать грандиозный уличный маскарад под названием "Торжествующая Минерва". По указанию императрицы готовил его Фёдор Волков. Он выступил автором либретто (по одним данным, стихи написаны Херасковым, по другим — Сумароковым), режиссёром и главным распорядителем. Шествие было организовано с невиданным до того размахом. В нём участвовали сотни исполнителей, на много кварталов растянулась процессия колесниц, повозок, музыкантов, ряженых. В первой части маскарадного шествия осмелились пороки — пьянство, невежество, лень, спесь, обман, развратность, лихоимство, мотовство. За пороками следовали колесницы и сани с изображением добродетелей — шагали герои, законодатель, философ, Венчало процессию появление богини мудрости, покровительницы ремёсел и искусств — Минервы. Она-то и олицетворяла императрицу Екатерину.

Волкову это гуляние стоило не только больших трудов, но и жизни. Желая выполнить как можно добросовестнее программу маскарада, он сам развёзжал по улицам, проверял точность исполнения трёхдневного (31 января, 1 и 2 февраля) действия и жестоко простудился. Заболел "гнилой горячкой" и слёг. 4 апреля 1763 года Фёдора Волкова не стало. По свидетельству Н.И. Новикова, погребён он был в Москве на кладбище Спасо-Андроньевского монастыря с большими почестями: ведь монархи жаловали его, а вельможи считали за честь и удовольствие общаться с ним. Но может быть, Новиков ошибся. Ни в описаниях захоронения монастыря 1790-х, то есть до пожара 1812 года, ни в каких других документах той эпохи нет упоминаний о могиле актёра. Советские историки приводят в качестве аргумента воспоминания гравёра и живописца Л.М. Жемчужникова, пересказавшего свидетельство одного своего корреспондента, якобы видевшего могилу Волкова при церкви Благовещения на 8-й линии Васильевского острова. Однако вряд ли это можно считать убедительным доказательством.

Могилу Фёдора Волкова утрачена, актёрское мастерство Фёдора Волкова унесено временем, факты его биографии противоречивы. Но образ жё, как и дело, которому он отдал душу и жизнь — русский театр.

Выступление скоморохов на Руси в 1630-е годы. Гравюра с рисунка А. Олеария. XVII в.

К. Коллан. Присяга императрице Екатерине II Измайловского полка. 28.06.1762 г.